

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-740-745

ВАСИЯН Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного и
социально-экономического образования,
ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: R_Vasiyan@mail.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ РУБЛЯ

Аннотация. В статье исследуется правовая природа цифрового рубля как объекта гражданских прав и анализируются особенности его нормативного регулирования в Российской Федерации. Рассматриваются основные подходы к определению сущности цифрового рубля, представленные в современной юридической литературе, а также его соотношение с категориями «цифровая валюта», «цифровые финансовые активы» и «цифровые права». Обосновывается вывод о том, что цифровой рубль не может быть отождествлен ни с цифровой валютой в смысле Федерального закона № 259-ФЗ, ни с цифровыми финансовыми активами, ни с цифровыми правами в значении статьи 141.1 ГК РФ. Доказывается, что цифровой рубль представляет собой особую цифровую форму безналичных денежных средств, обращающихся в рамках платформы Банка России. На этой основе формулируется авторское определение цифрового рубля и обозначаются основные направления дальнейшего совершенствования законодательства, связанного с его практическим использованием.

Ключевые слова: цифровой рубль, объекты гражданских прав, безналичные денежные средства, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, цифровые права, Банк России, цифровизация расчетов.

VASIYAN Roman Ivanovich,
Associate Professor,
Department of Humanities and Socioeconomic Education,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia

THE DIGITAL RUBLE AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS: ISSUES OF LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY RELATED TO THE DIGITALIZATION OF THE RUBLE

Annotation. The article examines the legal nature of the digital ruble as an object of civil rights and analyzes the specifics of its legal regulation in the Russian Federation. The paper considers the main approaches presented in modern legal scholarship to defining the essence of the digital ruble, as well as its correlation with the categories of digital currency, digital financial assets and digital rights. The author substantiates the conclusion that the digital ruble cannot be identified either with digital currency within the meaning of Federal Law No. 259-FZ, or with digital financial assets, or with digital rights within the meaning of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation. It is argued that the digital ruble should be qualified as a special digital form of non-cash funds circulating within the Bank of Russia platform. On this basis, the author formulates a definition of the digital ruble and outlines the main directions for improving legislation related to its practical use.

Key words: digital ruble, objects of civil rights, non-cash funds, digital currency, digital financial assets, digital rights, Bank of Russia, digitalization of settlements.

Введение

Цифровая трансформация экономики затронула не только сферу обмена данными и финансовых технологий, но и базовые институты денежного обращения. Одним из наиболее значимых результатов этих процессов стало формирование правового режима цифрового рубля как новой формы российской национальной валюты. Введение цифрового рубля означает переход к более сложной модели расчетов, в которой соединяются элементы денежного обращения, обязательственного права и специальной цифровой инфраструктуры, функционирующей под контролем Банка России [1; 2].

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровой рубль уже перестал быть исключительно концептуальной моделью. Его законодательное оформление и поэтапное внедрение в финансовый оборот ставят перед юридической наукой и практикой вопрос о корректной квалификации этой категории в системе объектов гражданских прав. От решения данного вопроса зависят правовой режим расчетов, особенности исполнения обязательств, правила защиты прав участников оборота, а также разграничение цифрового рубля со смежными правовыми категориями [3, с. 55–65].

Следует учитывать, что цифровой рубль не может рассматриваться только как технологическое явление. Его правовая сущность не исчерпывается формой цифрового кода, электронного кошелька либо специальной платформы. Он включен в имущественный оборот, служит средством платежа и исполнения денежных обязательств, а потому требует анализа прежде всего как юридической конструкции. Именно этим объясняется необходимость исследования цифрового рубля в контексте гражданского права, а не только с позиций экономики или информационных технологий.

Степень научной разработанности темы в настоящее время можно оценить как формирующуюся. В юридической литературе уже представлены работы, посвященные цифровому рублю, его сущности, рискам внедрения, соотношению с цифровой валютой и цифровыми финансовыми активами, однако до сих пор сохраняется дискуссионность в вопросе о его точной правовой квалификации. Особенно это касается разграничения цифрового рубля с цифровыми правами, а также определения его места в системе объектов гражданских прав [4; 5; 6].

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с формированием, обращением и использованием цифрового рубля в Российской Федерации. Предмет исследования составляют

нормы российского законодательства, регулирующие правовой режим цифрового рубля, доктринальные подходы к его пониманию, а также гражданско-правовые проблемы, возникающие в связи с цифровизацией денежного обращения.

Цель исследования состоит в определении правовой природы цифрового рубля как объекта гражданских прав и в выявлении особенностей его правового режима в современной российской правовой системе. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: проанализировать нормативные предпосылки формирования института цифрового рубля; установить его место в системе объектов гражданских прав; выявить различия между цифровым рублем, цифровой валютой, цифровыми финансовыми активами и цифровыми правами; определить основные преимущества и риски цифровизации рубля; сформулировать предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства.

Научная новизна статьи заключается в комплексной характеристике цифрового рубля как особой цифровой формы безналичных денежных средств, а также в последовательном разграничении данной категории со смежными цифровыми правовыми конструкциями на основе системного анализа гражданского законодательства и специального финансово-правового регулирования.

Материалы и методы исследования

Материальную основу исследования составили нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, положения Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федерального закона от 24.07.2023 № 339-ФЗ, Федерального закона от 23.07.2025 № 248-ФЗ, а также официальные документы Банка России, определяющие правовой и организационный режим платформы цифрового рубля [1; 2; 7].

Наряду с нормативными актами использовались научные труды, посвященные правовой сущности цифрового рубля, его месту в системе гражданских прав, особенностям цифровой валюты, цифровых финансовых активов и цифровых прав. Особое значение имели работы А.В. Габова, В.С. Белых, П.С. Шараева, Р.А. Равояна, Т.Э. Рождественской, А.Г. Гузнова, О.В. Вершининой, Я.Г. Лабушевой, И.С. Султаниева, И.В. Кисарова [3–6; 8–10].

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. Системный метод применялся при определении места цифрового рубля в общей системе объектов гражданских прав. Формаль-

но-юридический метод использовался для толкования норм законодательства, регулирующих цифровой рубль, цифровую валюту, цифровые финансовые активы и цифровые права. Сравнительно-правовой метод позволил выявить сходства и различия между названными категориями. Метод правового моделирования использовался при формулировании авторского определения цифрового рубля и обосновании перспектив дальнейшего развития законодательства.

Выбор именно такой методологии обусловлен тем, что цифровой рубль представляет собой комплексное явление, находящееся на стыке гражданского, финансового и информационного права. Следовательно, его корректная юридическая характеристика возможна только при сочетании анализа нормативной базы, научной доктрины и функционального назначения соответствующего объекта в системе имущественных отношений.

Результаты исследования и их обсуждение

Правовой режим цифрового рубля формировался в Российской Федерации поэтапно. Изначально соответствующая категория была представлена в документах Банка России как новая цифровая форма национальной валюты, предназначенная для обращения наряду с наличными и безналичными денежными средствами. Уже в этой исходной конструкции был заложен важный правовой смысл: цифровой рубль не должен был восприниматься как самостоятельная альтернативная валюта или как разновидность частного цифрового актива. Напротив, речь шла о развитии государственной денежной системы с использованием новых технологических инструментов [7].

Существенное значение для гражданско-правовой квалификации цифрового рубля имели законодательные изменения, внесенные в статью 128 ГК РФ. Включение цифрового рубля в число объектов гражданских прав в составе безналичных денежных средств стало концептуально важным решением законодателя [11]. Это означает, что цифровой рубль существует в правовом поле не как «неопределенная цифровая единица», а как разновидность денежного средства, встроенная в уже сложившуюся систему гражданско-правовых объектов. Тем самым была создана нормативная основа для дальнейшего регулирования расчетов, обязательств и иных имущественных отношений с его использованием.

Введение цифрового рубля в законодательную систему не устранило, однако, доктринальных споров о его сущности. В научной литературе можно выделить два основных подхода. Первый — технический — исходит из того, что цифровой рубль представляет собой уникальный цифровой

код, размещенный на специальном счете или электронном кошельке в рамках платформы Банка России [5, с. 39–42; 6, с. 274–279]. С этой точки зрения акцент переносится на способ фиксации и обращения цифрового рубля. Второй — юридический — рассматривает цифровой рубль прежде всего как форму безналичных денежных средств, правомочия в отношении которых реализуются с помощью специальной цифровой инфраструктуры [3, с. 55–65; 4, с. 37–44].

Представляется, что технический подход имеет лишь вспомогательное значение. Безусловно, цифровой рубль существует в цифровой среде и опосредуется определенной технологией учета. Однако цифровой код не раскрывает сущности данного объекта как участника гражданского оборота. Код лишь фиксирует сумму и обеспечивает возможность распоряжения ею. Юридически значимым является не сам код, а признанное законом денежное средство, посредством которого могут исполняться обязательства, осуществляться переводы и совершаться платежи. Иными словами, цифровой код — это форма выражения, а не сущность цифрового рубля.

Именно поэтому более обоснованным следует признать юридический подход. В его рамках цифровой рубль следует квалифицировать как особую цифровую форму безналичных денежных средств Российской Федерации, обращающуюся на платформе Банка России и предназначенную для совершения расчетных операций. Такая квалификация позволяет избежать смешения правовой природы денег и технических средств их учета. Кроме того, она соответствует действующему законодательству, которое прямо относит цифровой рубль к безналичным денежным средствам [11].

На этой основе возможно сформулировать следующее определение: цифровой рубль — это установленная законом цифровая форма безналичных денежных средств Российской Федерации, обращающаяся в рамках платформы Банка России и предоставляющая ее обладателю возможность совершения расчетных и иных предусмотренных законом операций в порядке, установленном законодательством и правилами платформы. Преимущество такого определения состоит в том, что оно соединяет нормативный, имущественный и инфраструктурный признаки цифрового рубля, не сводя его ни к чисто техническому, ни к исключительно экономическому явлению.

Особое значение имеет разграничение цифрового рубля и цифровой валюты. В юридической литературе встречались попытки их сближения, однако действующее российское законодательство не позволяет признать эти категории тожде-

ственными. Согласно Федеральному закону № 259-ФЗ цифровая валюта представляет собой совокупность электронных данных, которые могут быть приняты в качестве средства платежа, но не являются денежной единицей Российской Федерации либо денежной единицей иностранного государства [2]. Уже это определение указывает на принципиальное различие. Если цифровая валюта находится вне системы официальных денежных единиц Российской Федерации, то цифровой рубль, напротив, выступает одной из форм российской национальной валюты.

Различие между ними проявляется и в функциональном назначении. Цифровая валюта в законодательном смысле способна рассматриваться как объект инвестирования, тогда как цифровой рубль выполняет прежде всего расчетную функцию. Он предназначен для обслуживания денежного обращения, для исполнения обязательств, переводов и платежей в официальной финансовой системе. Кроме того, цифровой рубль обращается в централизованной системе, оператором которой выступает Банк России, тогда как правовой режим цифровой валюты в российском законодательстве не предполагает ее включенности в систему государственной денежной эмиссии [2; 7].

Не менее важно разграничение цифрового рубля и цифровых финансовых активов. Закон о цифровых финансовых активах определяет ЦФА как цифровые права, включающие денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и некоторые иные имущественные притязания [2]. Следовательно, ЦФА обладают иной правовой природой. Они выражают инвестиционные, корпоративные либо долговые интересы. Их назначение состоит в удостоверении и обращении определенных имущественных прав в цифровой форме.

Цифровой рубль не отвечает этим признакам. Он не предназначен для привлечения инвестиций, не выражает корпоративного участия и не воплощает право требования по ценным бумагам. Его основное назначение — выступать средством платежа и исполнения денежных обязательств. Именно поэтому отнесение цифрового рубля к цифровым финансовым активам представляется необоснованным как с точки зрения законодательства, так и с точки зрения функционального назначения этих институтов [3, с. 55–65].

Самостоятельное значение имеет вопрос о соотношении цифрового рубля и цифровых прав. В статье 141.1 ГК РФ закреплено, что цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, названные в таком качестве в законе, содержание и условия осуществления которых

определяются правилами информационной системы [12]. Из этого определения следует, что для признания того или иного объекта цифровым правом необходимо прямое указание закона. Однако цифровой рубль в законодательстве не назван цифровым правом. Напротив, он специально выделен как разновидность безналичных денежных средств [11].

Следовательно, формально-юридических оснований для признания цифрового рубля разновидностью цифровых прав нет. Более того, различие проявляется и в содержательном плане. Режим цифровых прав ориентирован на обращение обязательственных и иных имущественных прав в пределах конкретной информационной системы. Правовой режим цифрового рубля определяется, прежде всего, его денежной природой и функцией законного средства платежа. Хотя цифровой рубль и обращается с использованием специальной платформы, его нельзя сводить к общей конструкции цифровых прав.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о месте цифрового рубля в механизме исполнения обязательств. Поскольку цифровой рубль представляет собой форму безналичных денежных средств, он может выступать средством надлежащего исполнения денежного обязательства. Однако использование данной формы денег предполагает соблюдение не только общих положений гражданского законодательства, но и специальных правил платформы цифрового рубля. Это придает исполнению обязательств определенную специфику: юридически значимым становится не только выражение воли сторон, но и корректное использование предусмотренной законом цифровой инфраструктуры.

В перспективе это способно повлиять на договорную практику. По мере расширения использования цифрового рубля в гражданском обороте все большее значение будут приобретать договорные условия о форме расчетов, сроках исполнения платежа, распределении рисков технических сбоев, подтверждении исполнения обязательства и правовых последствиях ошибочного списания либо перевода средств. Тем самым цифровой рубль постепенно станет не только предметом общетеоретической дискуссии, но и фактором трансформации конкретных гражданско-правовых конструкций.

Цифровой рубль имеет значение и для иных имущественных отношений. Если он включен в систему объектов гражданских прав как разновидность безналичных денежных средств, то должен учитываться в составе наследственной массы, в процедурах банкротства, исполнительного производства, обеспечительных мер и обращения взыскания. В этой связи законодательное признание

цифрового рубля неизбежно требует последующей адаптации процессуальных, нотариальных и исполнительных механизмов. Без такой адаптации его статус как объекта гражданских прав окажется неполным.

Нельзя игнорировать и экономико-правовые последствия внедрения цифрового рубля. К числу его преимуществ обычно относят повышение технологичности расчетов, ускорение платежей, снижение отдельных транзакционных издержек, рост прозрачности движения денежных средств и расширение возможностей контроля в сфере публичных выплат [8, с. 54–59; 9, с. 199–204]. В ряде случаев цифровой рубль может способствовать более адресному и прослеживаемому использованию бюджетных средств, субсидий и социальных выплат. Для хозяйственного оборота это означает повышение предсказуемости и стандартизации расчетных процедур.

Вместе с тем цифровизация рубля порождает и ряд рисков. Во-первых, расширение использования цифрового рубля может повлиять на ликвидность коммерческих банков, поскольку часть денежных средств способна перераспределяться в пользу платформы Банка России. Во-вторых, возникает проблема соразмерности цифрового контроля и частноправовой автономии субъектов. Чем выше технологическая прозрачность операций, тем актуальнее становится вопрос о допустимых пределах вмешательства в имущественную сферу участников оборота. В-третьих, пока не все аспекты правового режима цифрового рубля получили достаточную детализацию: это касается распределения ответственности при технических сбоях, возврата ошибочно перечисленных средств, наследования цифровых рублей, порядка их взыскания и защиты прав пользователей.

Таким образом, анализ показывает, что цифровой рубль представляет собой не просто новый финансовый инструмент, а сложный юридический институт, находящийся на стыке гражданского, банковского и информационного права. Его правовая природа определяется не технологией учета, а включенностью в систему денежных средств и имущественного оборота. Одновременно его функционирование невозможно без специальной цифровой инфраструктуры, что придает ему ряд уникальных признаков.

Перспективы дальнейшего развития законодательства о цифровом рубле связаны, прежде всего, с конкретизацией гражданско-правовых механизмов его использования. Требуется более четкая регламентация вопросов исполнения обязательств в цифровых рублях, наследования, обращения взыскания, ареста, обеспечительных мер, банкротства, а также процедур разрешения

споров и распределения ответственности за нарушения правил функционирования платформы. Не менее важным остается обеспечение согласованности норм гражданского права с банковским, финансовым и информационным законодательством.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровой рубль представляет собой особую цифровую форму безналичных денежных средств, прямо включенную законодателем в систему объектов гражданских прав. Его сущность не может быть сведена к технической категории цифрового кода, поскольку код выражает лишь способ учета и обращения цифрового рубля, но не его юридическую природу.

Установлено, что цифровой рубль не тождествен цифровой валюте, так как является формой российской национальной валюты и функционирует в рамках официальной денежной системы. Аналогично отсутствуют основания для признания цифрового рубля цифровым финансовым активом, поскольку он не выполняет инвестиционной функции и не выражает корпоративных либо долговых притязаний. Не может он быть квалифицирован и как разновидность цифровых прав, так как законодатель специально отнес его к безналичным денежным средствам.

Доказано, что правовое значение цифрового рубля выходит за рамки текущих расчетов. Он затрагивает вопросы исполнения обязательств, наследования, взыскания, банкротства, обеспечительных мер и защиты имущественных прав участников оборота. Это требует дальнейшего развития не только гражданского, но и смежного законодательства.

Внедрение цифрового рубля создает для экономической деятельности как новые возможности, так и определенные риски. К числу преимуществ относятся повышение эффективности расчетов, рост прозрачности операций и расширение возможностей контроля за целевым использованием денежных средств. К числу рисков — влияние на банковскую ликвидность, необходимость обеспечения баланса между цифровым контролем и автономией воли, а также неполнота действующего регулирования ряда практических вопросов.

Следовательно, дальнейшее совершенствование законодательства о цифровом рубле должно быть направлено на обеспечение системности его правового режима, согласование норм различных отраслей права и создание надежных гарантий защиты прав участников гражданского оборота.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025.
- [2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31.
- [3] Габов А.В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 55–65.
- [4] Белых В.С. Правовой режим денежных средств // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 4(64). С. 37–44.
- [5] Равоян Р.А. Правовое регулирование обращения цифрового рубля // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 39–42.
- [6] Шараев П.С. Правовая сущность цифрового рубля // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6(143). С. 274–279.
- [7] Цифровой рубль. // Банк России. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 02.04.2026).
- [8] Вершинина О.В., Лабушева Я.Г., Султанов И.С. Анализ возможностей и рисков введения в обращение цифровых валют центральных банков на примере цифрового рубля // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2021. Вып. 1. С. 54–59.
- [9] Кисаров И.В. О переходе к цифровому рублю // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 1(53). С. 199–204.
- [10] Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 55–64.
- [11] Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.
- [12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

References :

- [1] Federal Law of July 23, 2025 No. 248-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2025.
- [2] Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on October 25, 2024) “On Digital Financial Assets, Digital Currency, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31.
- [3] Gabov A.V. Digital Ruble of the Central Bank as an Object of Civil Rights // Current Issues of Russian Law. 2021. Vol. 16. No. 4. pp. 55–65.
- [4] Belykh V.S. Legal Regime of Monetary Funds // Business, Management and Law. 2024. No. 4(64). Pp. 37–44.
- [5] Ravoyan R.A. Legal Regulation of the Circulation of the Digital Ruble // Legal Science. 2023. No. 6. Pp. 39–42.
- [6] Sharaev P.S. Legal Essence of the Digital Ruble // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 6(143). Pp. 274–279.
- [7] Digital Ruble // Bank of Russia. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (date accessed: 02.04.2026).
- [8] Vershinina O.V., Labusheva Ya.G., Sultanov I.S. Analysis of the Possibilities and Risks of Introducing Central Bank Digital Currencies into Circulation Using the Example of the Digital Ruble // Bulletin of the Russian New University. Series “Man and Society”. 2021. Issue 1. Pp. 54–59.
- [9] Kisarov I.V. On the Transition to the Digital Ruble // Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management. 2021. No. 1(53). Pp. 199–204.
- [10] Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Digital Currency: Features of Regulation in the Russian Federation // Law Enforcement. 2021. Vol. 5. No. 1. Pp. 55–64.
- [11] Federal Law of July 24, 2023 No. 339-FZ “On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two, and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 31 (Part III). Article 5765.
- [12] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ.

